

АЛЕКСАНДР СЕМЁНОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Ранние произведения —

Александр Семёнов

Возвращение.
Ранние произведения

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Семёнов А. А.

Возвращение. Ранние произведения / А. А. Семёнов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

В первый сборник произведений уроженца Костромской и жителя Волгоградской области, Заслуженного экономиста Российской Федерации, кандидата экономических наук Александра Арсентьевича Семенова вошли литературные сочинения, написанные автором в молодые годы, получившие высокую оценку специалистов и опубликованные ранее в районных и областных многотиражных газетах. Многие его рассказы посвящены людям труда, передовикам производства. Особого внимания заслуживают лирические миниатюры писателя, пропитанные очарованием жизни леса в разное время года и неразрывной связью человека с родной природой. Предназначен для широкого круга читателей.

© Семёнов А. А., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Рассказы

*Каждый год приносит... мудрость,
Твёрдость шага, гордость головы.
Но при этом не теряйте шалость,
Шалость детства, не боясь молвы.*

Комсомольская свадьба

Толчок под сердцем напомнил Неле обо всём. Она провела рукой по поднявшемуся животу и, уткнувшись в подушку, заплакала. Было обидно за себя, за свои поруганные чувства. «И зачем только я поверила Николаю, этому красивому обманщику и негодяю? – всхлипывая, шептала она. – Он постоянно лгал мне, даже в последний вечер перед отъездом!..»

Неля припомнила прощальные слова Николая:

– Милая, я напишу тебе сразу же, как устроюсь на работу, и ты приедешь ко мне.

И она ждала. И ждёт уже шестой месяц, а от него ни звука. Ясно, что забыл. «Эх, Колька, Колька, исковеркал ты мою жизнь, бросил не только меня, но и своего будущего ребёнка...» – вырвалось у Нели со стоном.

– Да перестань ты расстраиваться, уехал – и чёрт с ним, с подлецом, – утешали Нелю подружки по общежитию. А ребёнка воспитать мы тебе поможем, все вместе за ним будем ухаживать.

Шло время. Постепенно притуплялась душевная боль. А с появлением на свет Андрюшки нахлынуло столько новых забот, у Нели часто и времени не оставалось вспомнить о Николае. Когда же перед её мысленным взором, словно видение, всё-таки возникал его образ, она отмахивалась от него, как от наваждения, стараясь думать о чём-нибудь другом.

Андрюшка рос крепким, весёлым мальчиком, был в общежитии всеобщим любимцем. Девчата с нетерпением ждали, когда мать принесёт его из детских яслей, тормошили мальчишку, играли с ним, баловали сладостями. И глядя на этих добровольных нянек, Неля счастливо улыбалась: «Какие всё-таки хорошие, добрые и отзывчивые у меня подружки, как они внимательны ко мне и сыну».

Однажды вечером, вертясь перед зеркалом, одна из Нелиных подружек сказала:

– Неля, ну на что это похоже: сидишь ты дома, будто старуха столетняя, в клуб тебя не дозовёшься. Давай собирайся, там сегодня танцы под духовой оркестр.

Неля вспыхнула. Она, в самом деле, давным-давно не была в клубе, хотя до него рукой подать. Удерживали стыд, боязнь сплетен и пересудов. А как хотелось иной раз покружиться в вальсе, посмеяться и пошутить на народе, забыв обо всём на свете!

– Не знаю, что и делать, – вздохнула Неля, смущённо опуская глаза.

– Иди, иди, есть о чём тут раздумывать! А за Андрейку не беспокойся – присмотрим, – наперебой заговорили остальные подружки. Они были настойчивы в своём стремлении рассеять страхи Нели, вывести её на люди. И Неля сдалась. Надела на себя лучшее платье и вместе со стайкой девчат выпорхнула на улицу.

На подходе к клубу услышала взрыв громкого смеха и невольно остановилась. Холодея, подумала: «Неужели надо мной?» И поспешно повернула обратно.

– Нелька, куда ты? – остановили её подружки. А узнав о причине её бегства, громко расхохотались:

– Полно тебе выдумывать всякую ерунду. Кто-нибудь анекдот рассказал, вот и ржут парни, а тебе чёрт-те что мнится. Пошли скорее в клуб, и без того задержались.

Неля вошла в клуб с одной из своих подруг. С непривычки у неё закружилась голова. Но танцевала она, как прежде, легко и непринуждённо. И всё посматривала по сторонам, пытаясь в глазах присутствующих прочесть, что они думают о ней. В ответ на доброжелательно-поощрительные взгляды благодарно улыбалась, кивала знакомым, на лицах которых было написано сочувствие.

В перерыве между танцами к Неле подошёл её старый ухажёр Женька Орлов, лебёдчик с нижнего склада, пригласил на вальс. В первый момент Неля оторопела. Ещё до встречи с Николаем Женька не давал ей проходу, предлагая руку и сердце. Но Неля не торопилась с выбором, а после того, как познакомилась с Николаем, и вовсе «отшила» Женьку. Не лежало у неё к нему сердце, и всё тут. Потом ей стало известно, что тот «женился с горя» на десятнике Зойке, да только недолго жил с ней – развелись, не сошлись характерами. И вот опять – Женька. Неля с неохотой приняла его предложение: он ей по-прежнему не нравился. А Женька уже жарко шепчет в самое ухо:

– Неля, одну тебя люблю. Я с тобой хоть на край света. И вместе с Андрюшкой твоим. Разве я не понимаю, что ты, что у тебя...

Неля вырвалась из его рук и, не помня себя, выбежала на улицу. Приложила к вискам кончики пальцев, чтобы унять гулкую кровь. Снова услышала: «Неля!..» И стремглаз побежала домой, в общежитие.

Прошло несколько дней. Неля, как всегда, ходила на работу, нянчилась с Андрюшкой и совсем не вспоминала о Женьке. Он сам напомнил ей о себе. Сначала прислал записку, а потом осмелился заглянуть в общежитие. Посидел на краешке стула, поболтал с девочками, подержал на коленях Андрюшку и ушёл.

– Ну и дура ты, Нелька, – заговорили девочки после его ухода. – Парень по тебе сохнет, а ты на него – ноль внимания. Да и Андрюшке отец нужен.

Как маков цвет, зарделась Неля, но ни слова ни сказала подружкам в ответ.

А Женька с тех пор зачастил в общежитие. Шутил с девочками, подолгу возился с Андрюшкой, приносил гостинцы, которыми щедро одаривал всех.

– Неля, ну что же ты? – спрашивали подругу девочки.

– Один раз обожглась – хватит, – отвечала Неля.

Но с каждым приходом Женьки смотрела на него всё благосклоннее, а когда однажды Андрюшка, увидев Евгения в окно, закричал на всё общежитие: «Папка, папка идёт!» – и вовсе растаяла.

...На днях у нас в леспромхозе состоялась весёлая комсомольская свадьба. Вы не были на ней?.. Жаль... Никогда ещё у нас не было такой весёлой и шумной свадьбы.

1966 год

Первопутье

Весна в прошлом году была ранняя. Еще в марте работяга – солнце светило так, что с новых кровель домов начали падать изумрудные капли пота. А в апреле?.. Апрель уже полностью бурлил весенними водами. В это самое время мы с Маринкой, пробыв два дня в деревне у моей матери, направились снова в посёлок лесорубов. В поселке мы с Маринкой живём какие-то семь месяцев, а несколько дней назад поженились. По этому-то случаю мы и приезжали к моей матери. Конечно, в такое время лучше всего отсиживаться дома, но когда мама узнала, что я женился, то без конца просила приехать и показать свою молодую жену. Чтобы уважить старушку-мать, мы решили, не дожидаясь, когда просохнет дорога, съездить в деревню дня на три.

До деревни добрались на автомашине. Приехали вечером, а на утро следующего дня пошёл дождь. Я, видя, что дело идёт к полной распутице, хотел сразу же возвращаться. Но мать принялась уверять нас в том, что ещё будут заморозки, и машины непременно ещё проходят недели две. Доводы её были настолько убедительными (она всё время ссылалась на приметы и случаи из прошлых лет), что, посоветовавшись с Маринкой, мы решили остаться ещё на ночьку. Однако уже к обеду этого дня дождь сделал своё: по улицам хлынули целые потоки мутной воды, стремящиеся в нашу красивую речку Чёрный Лух. Тут-то я и понял свою ошибку и уже начал отчаиваться. Отчаяние моё не было напрасным. К вечеру речка так разлилась, что вышла из берегов. На машину не было никакого расчёта. И утром следующего дня, распрощавшись с мамашей, двинулись с Маринкой в путь.

До посёлка было километров тридцать пять. И можете себе представить, много ли это в такую пору. Но мы, молодые и упоённые своей любовью, не замечали ни раскисшей дороги, ни мелкой сетки дождя, ни той красоты, которую накапливала природа, чтобы через неделю-другую щедро хлынуть на зелена.

Отойдя километров пять и с трудом перебравшись через разбушевавшийся Лух, мы сели отдохнуть. В то время, когда мы уже готовились продолжить свой путь, к нам подошли двое мужчин лет сорока. Один из путников – Иван Макарович отличался весёлым нравом. Узнав от нас, кто мы, чьи и куда идём, он быстро освоился.

Разговоры у него лились, как вода. Но сколько бы он ни говорил, всё сводил к своей красавице-жене, по словам весельчака, Полине, и бесконечным проклинаниям дороги и себя: «Вот старый хрен, придумал на три дня тащиться к своей милашке. Да в такое-то время, когда и на тракторе трудно пролезть. А я – за триста километров – это из-за трёх-то дней! Вот дурень-то, дурень! Нет уж, теперь ни разу не приеду, пусть она приезжает, если хочет».

Иван Макарович долгое время шёл молча, видимо, вспоминал что-то из своей жизни или, может быть, то, как прощался с Полиной и голубоглазыми Вовочкой и Танюшей. Он шёл, но нельзя было не заметить, что его взгляд часто останавливается на нас с Маринкой: «Да хотя бы был молодой, а то в сорок-то лет. Эх, не то когда-то было: за пятнадцать километров каждый день на свидание бегал. А теперь, нет, больше не поеду! Не поеду! Да что поделаешь – поработаю опять месяца три, соскучусь. Такая она жизнь. Так ведь, тогда дороги просохнут. Опять приеду, не выдержу». И он снова кинул взгляд на нас: «А вы молодые, любимые друг другом, у вас это первые шаги. Так сказать, первопутье».

Иван Макарович кашлянул, закурил, снова посмотрел на нас и, вроде немного смутившись, тихо сказал: «Да, это первопутье... Идите, а мы со Степанычем покурим».

Мы пошли, а Иван Макарович, со своим спутником сели на бревно, лежащее на обочине, и долго провожали нас взглядом.

1966 год

Сила любви

Слухи ходили давно. Алексей не верил им, хотя в душе иногда загоралась жгучая ревность. Но когда нежные руки Любки обвивались вокруг шеи, ревность покидала его. Он снова проклинал себя за недоверие жене, за то, что слушает бабью болтовню. «Ну их всех к чёрту со своими пересудами. Завидуют они мне, вот и болтают», – думал Алексей, шагая по извилистой лесной тропинке.

Короткий осенний день был на исходе. Косые лучи солнца скользили по багрянцу листвы, путались в сетях паутины. Под ногами шуршала высохшая трава и опавшие листья.

Алексей вспоминал, как познакомился с Любкой. Три года назад возвращался он с дальних озер. Ходил на охоту – может, утку подстрелить удастся. Тогда, как и сегодня, возвра-

щался Лешка без добычи. Его «тулка» была небрежно закинута за плечо. Около поселка, на перекрестке дорог, догнал незнакомых девчат. Тяжелые чемоданы почти до земли оттягивали их руки. Лешка отобрал чемодан у маленькой с веселыми прищуренными глазами девчонки. Голубая косынка была накинута на плечи, и коротко стриженные волосы трепетали по ветру. Из разговора подружек Алексей понял, что малышку зовут Любой.

Тогда, Любка только что закончила медицинское училище и при распределении выбрала этот отдаленный уголок. С первых же дней с горячим рвением взялась за работу. Ездил в райцентр, часами просиживала в поссовете, пока не добилась, чтобы построили новое здание для медпункта. Все в поселке удивлялись: откуда у этой девчонки берется столько сил.

Лешка дружил с ней. Провожал домой после кино, а в воскресные дни, забрав книги, убегал с Любкой на речку. Поселковые парни смеялись над Лешкой: «Леха! И чего ты нашел в этой крошке? Что ты с ней делать-то будешь? В кармане разве носить?» «Не вашего ума дело! – огрызнулся Алексей. – Без вас знаю, ходить мне с ней или не ходить. А хорошего-то в ней навалом».

И как-то незаметно для всех Любка подросла, возмужала. Только веселинка в глазах да детская припухлость губ остались от прежней Любки. Вот уже второй год идет, как свою девичью фамилию Скуратова она сменила на его, Лешкину, и стала не Любкой, а Любовью Ивановной Кирсановой...

Показался поселок. Окна его домов загорались электрическим светом. Перебежав по зыбкому настилу из жердей через глубокий овраг, Алексей увидел на берегу речки, у стогов сена, Любку с Костей Даниловым. Она стояла лицом к Косте, склонив к нему голову. Тяжелая рука Кости лежала на Любкином плече. Алексей оцепенел: «Так, значит, правду мне говорили?!» Он рванулся, сбросил с плеча ружьё. Но руки не слушались: ружьё стало таким тяжелым, что Алексей не мог его поднять.

«Нет! К чёрту!» – Алексей выругался, прыгнул в овраг. Лицо его разом осунулось, побледнело, и сам он как-то сгорбился. Пошел, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, вверх по оврагу, к лесу, подступающему к самому поселку.

В лесу было уже темно. Алексей сел, привалился спиной к стволу сосны. Мысли его бешено носились, в висках гулко стучала кровь, обида давила горло, по щекам сползали крупные капли слёз. Алексей, опершись о землю ружьём, встал, встряхнул головой, как бы стараясь отогнать от себя все, что навалилось на него за последние минуты. Бросив в сторону ружьё, Алексей побрел в поселок.

Магазин был полон народу. Лешка протиснулся между людьми к прилавку, бросил на весы скомканную пятёрку. «Бутылку...» – выдавил он из себя, видя недоумевающий взгляд продавщицы. Взяв водку, Кирсанов полез к выходу.

«Испортит Любка парня! Ох, изведёт! Опять сегодня видели ее с Костей», – прогнусавила вслед какая-то старуха. Слова эти больно резанули Лешке по сердцу.

Он зашел за угол магазина, открыл бутылку и выпил прямо из горла половину. Выпитая водка несколько успокоила Алексея. Он пошел к речке, спустился на берег к самой воде и сел на поваленное дерево. В чёрной глади воды отражалась россыпь звезд. Лешка сидел неподвижно, и можно было подумать, что он спит. И только когда в поселке прокричали вторые петухи, Алексей поднялся, допил оставшуюся водку и направился в поселок. Подошёл к своему дому – тот горел всеми окнами. Дверь была незапертой. Алексей, осторожно ступая, вошел в комнату. Любка спала, Алексей подошел к столу, вырвал листок из тетради:

«Прошу не искать виновных в нашей смерти. Виноваты во всем я и неудавшаяся любовь, но какой бы она ни была, я не позволю смеяться над ней. Похороните, пожалуйста, нас в одной могиле. Алексей».

Дрожащими руками Алексей взял охотничий нож, подошел к спящей Любке. Она лежала, скрестив руки на высокой груди, уголки ее по-детски припухших губ улыбались. Любка видела

счастливый сон. Ровное дыхание разливалось по комнате и гулко отдавалось в ушах Алексея. Сердце его сжалось, ненависть к Любке ушла куда-то в глубину, а любовь к ней вспыхнула с новой силой в раненой душе. Ладонь, до боли в суставах сжимавшая нож, ослабла. Нож стукнулся о пол. Любка пошевелила рукой, но не проснулась.

Алексей, взяв записку, скомкал её и бросил в ведро под умывальником, бесшумно ступая, чтобы не разбудить Любку, собрал чемодан, снова подошёл к столу, взял карандаш и долго сидел, низко опустив голову. Потом вдруг резко выпрямился, написал что-то на обложке тетради, взял чемодан, подошел к Любке, поправил на ней сбившееся одеяло и вышел.

1966 год

Живой

*Марии Васильевне Муратовой -от всего сердца -
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Лошадь бежала рысцой, телега прыгала на ухабах. Николай сидел, свесив назад ноги, и махал провожающим фуражкой. Рядом с ним на телеге подпрыгивал вещевого мешок, его солдатское снаряжение. Николай видел в толпе Марию, её рассыпанные по плечам волосы. Она рвалась, но толпа не пускала её. Мария не кричала, не плакала, а только изо всех сил старалась вырваться из цепких рук бородатого колхозного кузнеца Степана. Николаю хотелось соскочить с телеги, подбежать к Марии и целовать, целовать её губы, щеки, лоб, растрепавшиеся волосы. Другая сила, не менее властная, чем любовь, удерживала его. Конюх Пантелей подгонял лошадь и все время приговаривал:

– Торопись, милая, торопись. Бойца везем. На фронт ему нужно, на фронт! – Когда он произносил слово «фронт», голос надламывался, настраивался на высокую ноту, и получалось что-то, подобное крику.

Телега прогромыкала по мостику, высланному неотёсанными бревнами, и скрылась за молодой березовой рощицей. Толпа провожающих распалась. Все забыли о Марии, и она стояла тихая и безмолвная посреди дороги. Потом вдруг встрепенулась, вскрикнула и бросилась вперед, в ещё не улегшуюся от телеги пыль. Бежала, тяжело дыша, полусогнув свои сильные загорелые руки. За речкой остановилась, жадно глядя в даль. Телеги не было видно. Прижав к высокой груди руки, тяжело ступая, Мария сошла с дороги. Упала навзничь в густую траву на отлогом берегу речки и зарыдала громко, по-бабьи, с причитаниями:

– Коля, Коленька! Любимый мой! Ведь ты вернешься живой, и мы справим свадьбу шумную, весёлую, – скажет она и снова из её груди вырвется плачь, судорожно задрожат плечи. Вдоволь наплакавшись, затихла Мария и, уставшая, ещё долго лежала нешевелиясь. Тихо несёт свои чистые прохладные воды Покша, ловит своей зеркальной гладью солнечные лучи. Едва ощутимый ветерок колышет листву на прибрежных молодых деревьях. Листья шелестят, и Мария слышит в их шелесте голос Николая. Она вскакивает, подбегает к березе, обнимает её тонкий ствол и зовет Николая. Когда солнце повисло на острых вершинах елей медвежьей рамени, Мария пошла в деревню.

Тревожная и мучительно долгая ночь. Мечется, никак не может уснуть Мария: то телега пылит у неё перед глазами, то видит, как бегут они с Николаем по усыпанному цветами лугу. Вдруг встаёт перед ней горбоносая колдунья, хватая одной рукой за горло, а другой пихает в её васильковые глаза пучки жёлтых горько пахнущих цветов. Мария отталкивает старуху от себя и громко-громко, чтобы всей округе было слышно, кричит:

– Врешь ты всё, врешь, ведьма! Никогда не изменим мы друг другу!

– Машенька, Маша! Что с тобой? – трясет за плечо сестра.

Мария просыпается, притягивает к себе Августу. Долго шепчутся сестры на сокровенные темы.

Утром зашёл Пантелей, у порога стянул серый, выгоревший на солнце картуз, перекрестился на образа и, подозревая к себе Марию, жарко зашептал ей на ухо:

– Приехали мы, значит, в город и напрямиком к военкомату. Там уже собрались все, и машины стоят. Ну, Николая сразу подозревал к себе офицер, расспросил, записал что-то в блокнот. И не успел Коля от офицера отойти – вышел из военкомата другой и, что было мочи в его глотке, крикнул: «По машина-а-ам!»

Подбежал Коля ко мне, руку мою жмёт и просит зайти к вам. Скажи, говорит, Машеньке, что не было времени написать ей и что черкну сразу же, как свободная минута выпадет. Прижал меня к себе, да так, что и теперь кости болят, схватил мешок и побежал к машине. А уж это с машины крикнул: «Передай ей, что вернусь скоро».

Затаив дыхание слушает Мария Пантелея, а когда он закончил свою речь, так и не сказав, что-то очень важное для неё, смахнув с глаз набежавшие слезинки, спросила:

– И больше ничего не просил передать?

– Вроде бы ничего, доченька... Да ведь я и запомнить мог, – отвечает дед и, натягивая на седую голову картуз, собирается уходить. – Вот, старый хрен! – бьет себя по лбу Пантелей. – Так и есть – запомнил. Ещё говорил он, что любит тебя, просил ждать, а когда, говорит, вернусь, поженимся.

Сразу посветлели глаза Марии, на уголках губ заискрилась едва заметная улыбка.

Жарко печёт солнце. Пот течёт по лицу, рукам, спине, их легкое ситцевое платьишко прилипло к телу, сковывает движение. «Ж-ж-ши... ж-жи-ши-и...» – подрезает коса высокую густую траву. Скошенная трава ложится ровным валком, тянется за Марией. Из-под самой косы, выскакивают кузнечики, выпархивают спрятавшиеся от солнца птички.

– Ау-у, Маша-а-а! – кричат сзади бабы. – Обедать!

Маша останавливается, прячет под валком косу и идёт к рассевшимся в тени кустарника бабам. Хорошо посидеть с ними, послушать рассказы о том, что пишут мужья с фронта. Может быть, и о Николае кто написал. С замирающим сердцем слушает она, как бабы читают друг другу письма. Страхиваются в ладонь последние крошки хлеба, допиваются последние глотки холодного, как лед, кваса, одна за другой встают бабы, поднимается и Мария, так и не услышав ни слова о любимом. А сердце болит. Тревожится девушка. «Уж не случилось ли что: месяц прошел, как уехал Николай, а письма все нет. А вдруг убили?!» – впивается в мозг мысль. «Нет, нет! Живой он, живой, просто нет времени написать. Ведь передал же он с Пантелеем, что напишет сразу же, как свободная минута выпадет» – успокаивает она себя, умывается холодной родниковой водой из ключа и снова берется за косу. Машет ею, пока снова не окликнул кто-то.

– Ма-ма-а! Ма-мань-ка-а! – заливаясь слезами, бежит по дороге девчушка. Обрывается все внутри от такого крика.

– Катюха-а! Твоя Танюшка бежит! – кричат бабы ушедшей к ручью молодой женщине.

Танюшку окружили, склонились над ней, ждут, смотрят, как копается она в обуви, вытаскивает смятый конверт и протягивает его матери. Та смотрит на незнакомый почерк, боится распечатать письмо.

«Похоронная», – с каким-то глухим испугом выдавила Катюха, взяла на руки дочь, прижала её к груди и пошла, пошатываясь, к лесочку. Посудачили бабы, тихонько, для приличия, всплакнули в кулак и снова за работу. Горевать, слёзы лить некогда: сенокос ещё не закончен, а уже уборка на пятки наступает.

Хоть и сумрачно в горнице, но белый треугольник письма сразу бросается в глаза. Мария берет письмо, выскакивает в сени, чуть не сбив с ног мать.

– Что ты носишься, как оглашенная? Куда побежала? Ужинать скоро будем.

Мария подбегает к матери, обвивается вокруг шеи, целует в изрезанный морщинами лоб. – Письмо получила от Коленьки, – говорит она матери и выскакивает на улицу.

Анна Михайловна смотрит вслед убегающей к речке дочери и улыбается: «Спать спокойно будет».

Тихая июльская ночь. Отщебетали, уснули уставшие за день птицы. Уснули вслед за погасшей вечерней зарей, а новая утренняя заря уже нарождается на севере, предупреждает птиц о скором пробуждении. Мария лежит на берегу, заложив за голову руки. На груди покоится письмо от любимого. Широко открытый взгляд устремлен в небо. На его зеленоватой голубизне, как на экране, просматривается последний вечер, проведённый с Николаем. Вот бегут они извилистой тропинкой вдоль реки. Николай останавливается, поправляет сбившуюся туфлю. Снова бежит, догоняет Машу, подхватывает ее на руки и кружится. Весело. Смеются оба. А здесь, на этом же самом месте, сидела она тогда с Николаем, швыряли в речку набранную у воды гальку. Здесь сделал Николай ей предложение, и договорились о предстоящей свадьбе. Веселые, радостные бежали на зорьке домой. Утром страшное и грозное слово «война» потрясло деревню, больно резануло по сердцу девушки. Вечером провожали Николая на фронт. Снова запылила перед глазами телега Пантелея. Мурашки пробежали по телу, зябко повела Мария плечами, взяла письмо, перечитала дорогие сердцу строчки и, радостная, откинулась на землю.

Рассветная полоса растёт, меняется цвет её. Из светлого переходит в бледно-розовый, а потом вдруг багровеет, выкатывается жарким диском над тёмной зеленью леса. Тёплые лучи осторожно касаются всего земного, упираются в откровенные кругляши Марьиных глаз, отражаются в их зеркальной чистоте и, оставив крупинки веснушек вокруг зрачков, устремляются дальше, в жизнь, пробуждающуюся на остывшей за ночь земле.

Соловей в прибрежной роще прокашлялся, рассыпался звонкой трелью. Ему отозвался второй, третий – и вся роща защebetала, засвистала. Утро пришло на землю с новыми песнями птиц. Слушает Мария природу, и никак не может уложиться в её голове, что где-то идет война, страшное месиво смертей, жизни и крови. И там, в этом пекле, её Николай.

Прошло лето. Незаметно, крадучись, подползла к деревне зима. Радостными были дни у Марии, когда она получала письма.

А они приходили редко. Ложась спать, Мария каждый раз совала под подушку руку и, убедившись, что письма на месте, спокойно засыпала.

Вьюжит, чертыхается в дощатом заборе ветер. Завывает в печной трубе, стучит обледенелыми ветвями берёзы в стёкла. Маше кажется, что Николай стучит в окно. Она откладывает в сторону вязание, прислушивается. Нет – показалось. Сколько раз ветер будил её среди ночи. Выбежит Мария в сени.

– Коля, это ты? – спросит тихо, чтобы не услышали домашние, и стоит, прислушивается, ждёт ответа, коченеет на морозе. Зайдёт в избу, оденется потеплее, возьмёт письмо Николая, выйдет в сени, отыщет припрятанный в углу огарок свечи, зажжёт его и читает-перечитывает дорогие строчки.

До поздней ночи не ложится Мария, вяжет тёплые носки для Николая. До утра просидела бы, да сестра не дала, насильно уложила её в постель. Уже лёжа в постели, долго не могла уснуть Мария, ворочалась, а потом – кошмарные сны: снова старуха хватала за горло и душила, пихала в глаза цветы измены, разлуки – цветы желтые.

Утром Мария разгребала дорожки вокруг дома, когда подъехал Пантелей, остановился около неё.

– Бог в помощь, красавица! – приветствовал он, притрагиваясь к шапке. – Поехал за почтой, письмо тебе привезу от любимого.

– Правда?! – радостно спрашивает Мария, подбегает к Пантелею. – Привезёшь – расцелую!

– Привезу, обязательно привезу, красавица. Н-но, милая, поехали! – Пантелей хлещет кнутом воздух.

Старик не ошибся, привёз ей письмо. Чужой казённый почерк удивил его и испугал. Защемило стариновское сердце, почуяло что-то неладное. Он знал, что хранится в этом конверте, и никак не мог сообразить, как будет подавать письмо Марии. Приходила в голову мысль бросить письмо, чтобы никогда Машенька не узнала о случившемся. Но другой, внутренний голос подсказывал: нельзя бросать, лучше пусть сразу узнает правду.

Подъехав к дому Муретовых, старик остановил лошадёнку и бодро зашагал по расчищенной утром дорожке. Вошёл на крыльцо, открыл дверь – жалобно заскрипела она. От этого скрипа оборвалось всё в старой груди Пантелея, опустились, задрожали руки, выпустили голубой конверт.

Быстро захлопнув дверь, Пантелей побежал к саням, ввалился в них и заторопил свою «милую». Признаться, он боялся приносить такие письма. По-разному встречали известия о смерти жители: кто сразу же заливался слезами, кто молча опускался на скамейку у стены и сверлил его злым взглядом, как бы обвиняя в случившемся. Старик понимал, чувствовал большую любовь Марии (да и каждый в деревне видел это) и поэтому испугался подать смерть в руки.

Глубоко в снег проваливаются ноги. Мария спешит, падает, поднимается и снова идёт, тяжело дыша. Подходит к речке, опускается в снег и читает письмо. Скомкала ненавистную серенькую бумажку, швырнула её. Ветер подхватывает комочек и уносит с собой.

– Врёте, вы! Живой он, живой! Вернется скоро, и мы будем счастливы! Коля! Ведь ты вернешься?! – уже кричит Мария, прислушиваясь.

«У-усь... у-усь...» – свистит ветер в прибрежном тальшке, а Марии кажется, что это Николай отвечает ей.

– Слышите?! Слышите?! Это его голос. Живой мой Коленька, живой!

Совсем заочневшая пришла Мария домой. Августа раздела её, помогла забраться на печку, открыла сундук, достала из-под одежды бутылку водки, ещё до войны была куплена, и почти силой влила водку сестре в рот.

Неуемной волной радости вхлынуло в сердца людей известие о победе. Марию оно застало в поле. Сеяли. Девушка шагала широко, по-мужски, придерживая одной рукой короб, второй швыряла зерно в чёрную землю. Васька Шилов, рыжий взъерошенный парнишка, подкатил к ним на новеньком польском велосипеде (отец ещё зимой привёз).

– Победа! Победа! Наши победили! – орал он, размахивая руками. Велосипед юлил под ним, потом вдруг переднее колесо подвернулось – и Васька ткнулся носом в землю. Все, кто был на поле, встали, как бы обдумывая, взвешивая слова, сказанные Васькой, потом засмеялись, заплакали, запрыгали, как мальчишки.

«Смеются и плачут. Победа, а они плачут, вот чудачки?», – думает Васька, потирая ушибленный нос.

В распахнутое окно потягивает ветерок, наносит запахи осени, срывает пожелтевшие листья с берёзы под окном, и они, плавно кружа, ложатся на землю. Солнце уже давно село, густые сумерки окутывают улицу. В комнате темно, но Мария не включает света. Ей приятно посидеть в темноте, подышать сытым воздухом осени. Посеребренная сединой прядь волос спустилась на лоб. Шалунишка-ветер ворошит её. За деревней, у речки, заиграл баян. Робкий голос девушки повел мелодию. И вот второй, более сильный голос взял, подхватил песню:

Наглядись, зорька, в реченьку,
Пока речка не вымерзла...

«Это Танюшка Смирнова выводит. Вот и она провожает своего Эдика в армию. А помнит ли она, как прибежала на луг с похоронкой?» – думает Мария.

...Ты, хорошая девушка,
Насмотришься на любимого:
Скоро милому в армию.
Скоро будешь одна...

Песня растёт, ширится, наполняет своей мелодией
округу.

«Эх, девчонки, девчонки, вы своих женихов с песнями провожаете в армию, а мне и поглядеть-то на своего Коленьку не пришлось вдоволь».

Мария подходит к столу, включает свет, достает из шкатулки письмо – это последнее его письмо:

«...Машенька, милая! Завтра в бой. Этот бой должен стать решающим. Как только выпадет свободное время, напишу ещё. Целую тебя крепко-крепко. Жди, милая, я скоро вернусь...»

– «Скоро вернусь...». Коля, Коленька! Родимый мой! Я жду тебя, жду. Приезжай скорее, – говорит Мария. Берёт ручку и начинает писать письмо самому дорогому человеку. Она писала, а её глаза то затягивались грустной пеленой, то улыбались, загорались искорками счастья: «...Коля! Родной! Двадцатый год пишу тебе письма, а ты всё молчишь. Напиши мне, миленький, напиши...» – Мария пишет, а за деревней уже родилась новая песня:

...Только раз нам судьба этот выбор даёт –
От повторного толку не жди...

Выводят девчата, сливают свои голоса с баяном. Песня доходит до самого сердца, глубоко залегает в душу. Близки, очень близки её слова Марии.

Май – август 1967 года

Настя

*Матери своей – источнику тепла и света -
ПОСВЯЩАЮ*

Тонкая бельевая верёвка змеиным холодком обожгла руки. Настя оперлась рукой о стену. Её натруженная ладонь наткнулась на щетину мха в пазах. На глаза навернулись слёзы, обида давила горло. Жаль было оставлять всё это родное, построенное её руками. В мыслях пронеслись годы жизни в этом доме, с особой отчётливостью всплыл последний случай – и жалость улетела, снова, что несколько минут назад показалось родным, стало чужим и далёким.

– Настя! Где ты? Иди сюда, лярва! – кричит Семён, стучит по столу кулаками.

– Здесь я, Семён Васильевич, здесь. Что нужно? – Настя вышла с кухни, вытерла о передник руки. Взглянула на обрюзгшее лицо мужа, на всю его пьяную компанию.

Кирилл Мальшев, брызгая слюной, спорил о чём-то с Антоном Кривым. Максим Залайнов рыгал, уткнувшись в тарелку. Табачный дым плотной завесой наполнил комнату, и свет керосиновой лампы сумрачно освещает её.

– Водки неси!

– Нет водки, Семён Васильевич, – отвечает Настя, называя мужа по имени и отчеству, а в душе так и клокочет отвращение ко всему.

– Что?! Водки нет?! Ох, ты, сука! Так, значит, мужа встречают?! Сейчас же найди! Видишь – люди сидят! Ну, что стоишь?! Иди!..

– Да где же сейчас искать-то?! Магазин не работает. Ложитесь спать, а завтра я вам с утра принесу. Ложитесь, Сёма, – смотри, и Лёшка не спит, мучается.

– Сказал, иди! – лицо Семёна побагровело, бесцветные пустые глаза вспыхнули злобой. Схватил стоящий у печки-голландки костыль и бьёт им по Настинному плечу.

– За что бьёшь, изверг?! За что?!.

– «Изверг»?! Мужа извергом называешь?! – костыль снова просвистел в воздухе.

– Бей, бей, насмерть убивай! – глядя мужу в глаза и утирая струившуюся по щеке кровь, отвечает Настя.

Семён заёрзал по скамейке:

– И убью, убью, подлюку!

– Мама! Ма-ма-а-а! Убегай от него, убегай! – заливаясь слезами, кричит Лёшка.

Костыль летит в мальчонку, сбивает его с ног. С душераздирающим криком падает Лёшка на пол. Настя хватается сына в охапку, выскакивает на улицу.

Темно в хлеву. Прижавшись к матери, хнычет Лёшка.

– Не плачь, Лёшенька, не плачь. Больно тебе, да? Ну ладно, не реви. Заживёт всё до свадьбы, – шепчет Настя, а у самой слёзы катятся по щекам, попадают в кровоточащую рану.

– Я не плачу, мама. А тебе тоже больно?

– Нет, Лёшенька, не больно. Ты посиди тут, а я пойду посмотрю, наверное, Мишутка с Танюшкой проснулись – ревут, – Настя целует Лёшку в вихрастую голову и выходит.

Неделю не появлялся после этого Семён дома. Несколько раз заходили соседи:

– В Марьине твой Семён, схлестнулся там с Нинкой Кашиной, мотаются по деревне пьяные в доску.

Каждый приход соседей вызывал у Насти отвращение ко всему. Надоела, опротивела жизнь собачья. «И за что мне такие муки, Господи? Нет, уж лучше умереть, чем жить так», – думает Настя, укачивая дочь.

В памяти восстанавливаются годы совместной жизни с Семёном. Пятнадцать лет назад румяной девушкой стояла она под венцом. Тревожно и радостно билось сердце – впереди было много неизвестного, загадочного...

Серый осенний день унёс из жизни первенца. А потом страшное: «Война». Семён вернулся с фронта без ноги. С этого-то и начались невзгоды: запил, опустился Семён.

Далеко за полночь ввалились в избу мужики. И снова Семён водки потребовал, костылём замахивался.

– Хватит, помучилась, натерпелась! – крикнула Настя и выскочила в сени.

Тёмное небо с крупинками звёзд спокойно висит над землёю. Только восточный край неба над лесом, за рекой, посветлел. Тишина. Спит уставшая за сенокосный день деревня. Только из их дома несется пьяные голоса, мат.

– Разгулялись. Ну что же, гуляйте, пейте, никто не помешает вам, – шепчет Настя, и обида всё больше и больше сжимает горло. Гулко стучит кровь в висках, сердце рвётся, старается выскочить из тесной груди.

Чёрная лента реки искрится звёздами, и видно, как гаснут они одна за другой. Прохладная вода лижет Настины ноги, ласкается. Верёвка падает на прибрежную песчаную косу. Настя идёт за камнем. Там, на перекате, их много.

Вода на перекате журчит, вспыхивает светлячками. Вода с камня струится, течёт по телу, пронизывает его холодом. Один конец верёвки привязан к камню, второй плотно обвился

вокруг шеи. Тяжелы шаги. Сколько их до Бабьего омута? Тридцать? Триста? Каждый шаг – капля холодного пота. Каждый шаг – год прожитой жизни.

Вода у противоположного берега черна, а здесь, у склонившейся ивы, ловит алые блики. Светает. Уже отчётливо видны кусты, разбросанные по берегам.

Ещё в детстве слышала Настя легенду об этом омуте. Сошла какая-то баба с ума, утопила своих детей и сама утопилась. Дрожь пробежала по телу, перед глазами встал дом. На полу, на набитом сеном матрасе, лежат её дети, кровь её родная. Настя почувствовала свою любовь к детям, всем своим материнским сердцем ощутила смысл жизни. Присела на корточки и дрожащими руками развязала верёвку на шее. Схватила камень, приподняла его над головой и с силой швырнула в пасть омута. Фонтанами брызг поднялась вода, и её капли засверкали, засветились яркими искрами. Это первые робкие лучи солнца подхватили и зажгли их своим светом жизни и тепла. Настя знала, что делать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.